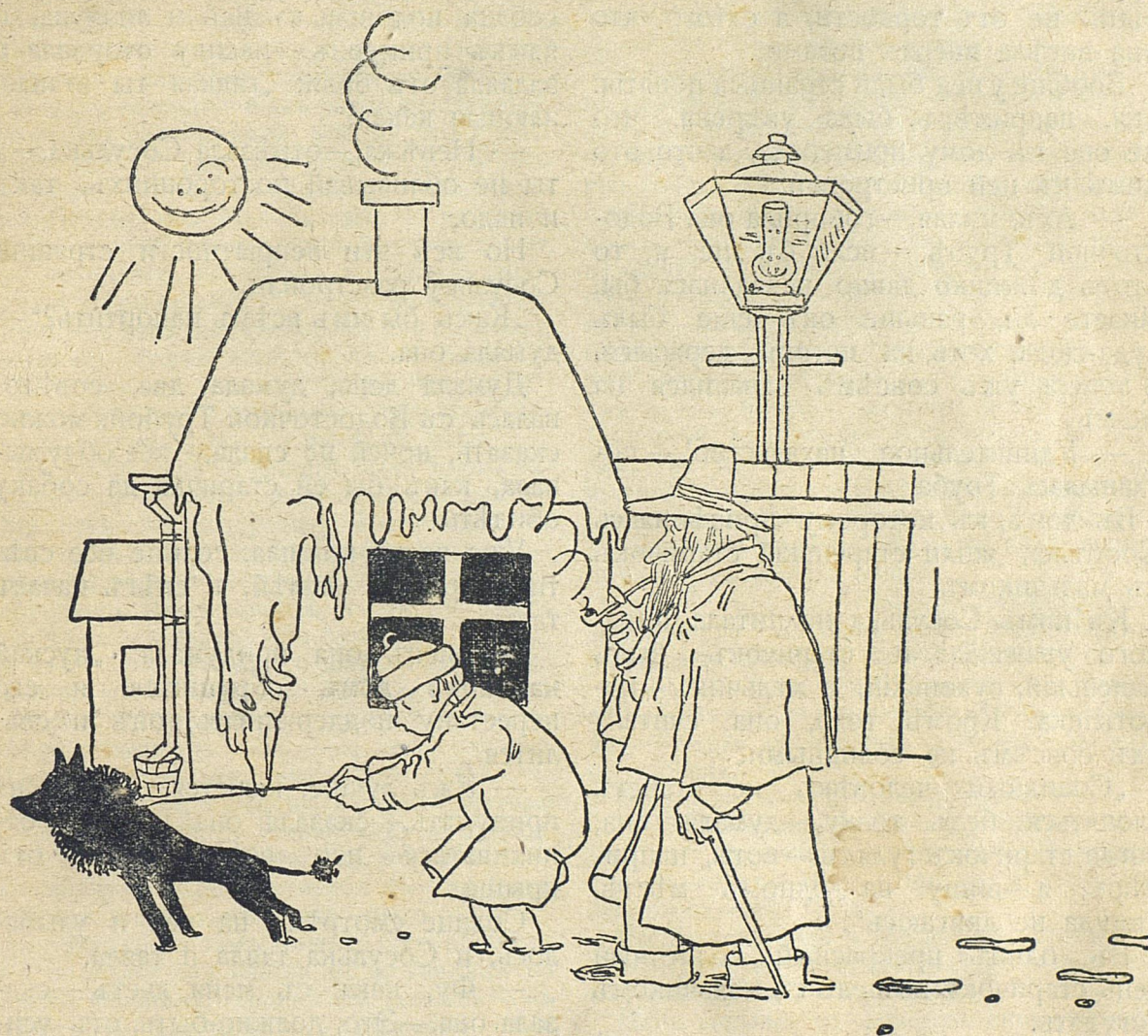


ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ „НИВА“

№ ДЛЯ ДѢТЕЙ 4



СОСУЛЬКА.

Сказка Ксеніи Богуславской, съ рисункомъ автора.

На крышѣ висѣла огромная ледяная Сосулька. Это была въ высшей степени гордая Сосулька. И чѣмъ больше она росла, тѣмъ больше гордилась. Наконецъ такъ выросла, что ужъ дальше некуда, въ землю носомъ

уперлась. Тогда она стала такая важная, что не подступись, — со всѣми родственниками, маленькими Сосульками, раззнакомилась и стала водить знакомство только съ почтенными особами. Напримѣръ, съ Водосточной

Трубой, которую она уважала за то, что труба была длиннѣе ея.

Сосулька вообще думала, что на свѣтѣ самое важное—величина.

„Ахъ, какая я длинная!“ — думала она, и отъ гордости у нея слегка кружилась голова. Впрочемъ, можетъ-быть, не отъ гордости, а оттого, что она висѣла вверхъ ногами.

Вообще у нея были странныя понятія: она, напримѣръ, была увѣрена, что не она къ дому примерзла, а что это домъ къ ней пристроили.

— Ахъ, милая,—говорила она Водосточной Трубѣ,—если бъ не я, то этотъ домишко давно развалился бы. Знаете ли, раньше онъ еще былъ туда-сюда, хотъ на ногахъ держался, а теперь ужъ совсѣмъ навалился на меня!

— Удивительное нахальство! — соглашалась Труба.

Въ домѣ, къ которому прицѣпилась Сосулька, жили старенькій старичокъ съ мальчикомъ.

Къ нимъ Сосулька не питала никакого уваженія: и старичокъ былъ маленькій, сухонькій, и мальчикъ—коротышка. Кромѣ того, она считала ихъ совсѣмъ не солидными.

„Солидный человѣкъ не станетъ слоняться безъ толку,—думала она, когда старичокъ гулялъ,—вотъ, напримѣръ, я—вишу на одномъ мѣстѣ, никуда не двигаюсь“.

Въ одинъ прекрасный солнечный день старичокъ вышелъ съ мальчикомъ погулять.

Солнце свѣтило такъ ярко, что даже старый Фонарь, стоявшій у воротъ, удивлялся.

— Посмотри,—сказалъ старичокъ,—какъ солнце играетъ и сверкаетъ на этой сосулкѣ. Вѣдь вотъ, кажется, ничтожество, такъ себѣ, сосулька, а блеститъ, какъ брильянтъ.

— Ничтожество? — заплакала отъ злости Сосулька.—Это я ничтожество? Этого еще не доставало, чтобъ на мнѣ солнце отражалось,—я сама сверкаю, когда мнѣ захочется,—при чемъ здѣсь солнце?

А тутъ еще, какъ на зло, старикова собака подошла къ ней и лизнула, и языкъ примерзъ,—насилу оторвала и залаяла отъ боли: „гадкая ты этакая, злющая какая!“

— Невѣжа,—отрѣзала Сосулька,—а ты не облизывай постороннихъ, такъ и надо.

Но всѣ эти непріятности страшно Сосульку разстроили.

„Какъ бы имъ всѣмъ напортить?“ — думала она.

Думала день, думала два, совѣтовалась съ Водосточной Трубой, можно сказать, ночей не спала,—все обдумывала, какъ бы ей старичка да собаку обидѣть.

Уже весна пришла, солнце все свѣтило ярче да теплѣй, и снѣгъ началъ таять.

Наконецъ она придумала: „пускай на нихъ домъ обрушится, я его перестану поддерживать, онъ и свалится“.

— Ужъ лучше, кажется, ничего не придумать,—сказала она и стала отпихиваться изо всѣхъ силъ отъ крыши.

Солнце смотрѣло на нее и улыбалось, и Сосулька таяла и таяла.

— Фу, какъ съ меня льетъ!—сказала она.—Это, должно-быть, отъ усилій!—натужилась еще, кракнула, свалилась и разбилась на множество сверкающихъ обломковъ.

— Милостивая государыня, вы, кажется, расшиблись?—спросилъ сочувственно Фонарь.

Но Сосулька уже ничего не отвѣтила.